

**ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОМЕЛЬЩИНЫ)**

Л. С. СКРЯБИНА

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

Планируя нападение на СССР, нацисты рассчитывали использовать религиозный фактор в своих целях. В системе главного управления имперской безопасности СД был создан специальный церковный отдел. В его задачи входили контроль и наблюдение за деятельностью религиозных организаций всех конфессий, изучение настроений духовенства и активных прихожан, внедрение агентов в церковные административно-управленческие структуры и вербовка своих сторонников среди священнослужителей, продвижение нужных людей в церковные комитеты и фонды.

Отвергая христианское мировоззрение, обрядность, традиции, нацисты предлагали создать свой политизированный вариант церкви, являющийся проводником национал-социализма. Завуалировав истинное отношение к религии, оккупационные власти пошли на разрешение открытия церковей под своим строгим контролем. Давая согласие на возрождение церковной жизни, нацисты, тем самым, решали задачу привлечения на свою сторону верующих, широких слоев населения, повышения эффективности развернувшейся антисоветской пропаганды.

В директиве рейхсминистра оккупированных восточных областей А. Розенберга указывалось: «Злободневные потребности местного населения в исповедании религии не должны преследоваться [1, с. 161]. Такая политика нацистов в значительной степени определила характер взаимоотношений, повлияла на возможность реализации своих духовных потребностей, и, как результат, на степень принятия оккупационного режима.

К началу фашистской агрессии на территории Беларуси в тяжелом состоянии находились все конфессии, в том числе, и Православная церковь. В результате атеистического наступления на восточных территориях была разрушена православно-приходская жизнь, закрыты храмы и монастыри, практически подвергалось репрессиям все духовенство, многих священнослужителей постигла мученическая кончина. Однако, несмотря на репрессии со стороны советской власти, религиозные чувства советских граждан не исчезли окончательно. Стоит отметить, что в тяжелое военное время, в условиях кровавого нацистского террора, угнетения и материального бедствия, религиозные чувства усилились, значительно увеличился приток прихожан в церкви и костёлы. Проводя политику геноцида, жёсткого окку-

пационного режима, грабежа белорусского народа, немецкие оккупационные власти использовали в своих интересах почти полную ликвидацию церковной жизни в Советском Союзе, в т. ч. на территории БССР (в границах 1939 г.).

Исходя из общей политики возрождения церковной жизни, было дано разрешение на открытие церквей, закрытых советской властью. Только в Гомеле было открыто 4 церкви [2, л. 136]. Всего же в 1943 г., как сообщала газета «Новый путь», «за полтора года существования нового порядка в нашей области открыто 48 церквей, в 60 приходах совершаются богослужения» [3]. В тех селах, где церквей не было, церковные службы отправлялись в частных домах, или других помещениях, оборудованных под церкви. Например, жители д. Ковчицы Светлогорского района переоборудовали здание кооператива под церковь [4, л. 122]. Следует также учитывать тот факт, что многочисленные храмы были разрушены при советской власти. Оккупационная администрация, заинтересованная в повышении роли церкви и религии, помогала восстанавливать церковные здания. Свидетельством является ходатайство Ветковского районного управления, адресованное Гомельскому городскому управлению об оказании содействия в выделении 100 листов кровельного железа для ремонта Хальчанской церкви Ветковского района [5, л. 84].

19 августа 1942 г. была возобновлена деятельность женского монастыря в Чёнках под Гомелем. Всего за годы оккупации в Беларуси возродились шесть монастырей – три мужских и столько же женских. В 1942–43 гг. в Восточной Беларуси увеличилось количество церковных приходов и священников. В этой связи в сентябре 1943 г. была создана Гомельско-Мозырская епархия, а в октябре архимандрит Г. Боришкевич рукоположен в сан Гомельского епископа. Однако выехать в Гомель он не успел по причине наступления Красной Армии в этом направлении, и 26 ноября 1943 г. город был освобожден от оккупантов [6, с. 16].

В 1945 г. в республике считались действующими 1250 православных церквей, из них на долю восточных областей приходилось около 500. Часть храмов к тому времени уже успели снять с регистрации [1, с. 165].

В первых же призывах к населению немцы торжественно объявили, что теперь, наконец-то, наступило время, когда русские, белорусы и украинцы смогут свободно реализовать свои религиозные потребности. Верующие с энтузиазмом восприняли возрождение религиозных традиций, которые были разрушены советской атеистической властью. Оккупационные власти предписывали населению отмечать церковные праздники. Сошлемся, в этой связи, на распоряжение Гомельской комендатуры № 551 от 05.06.1942: «...на время военных действий церковные праздники устанавливаются следующие: Новый год, Пасха, Рождество, Троица, еженедельно воскресение. Все остальные праздники объявить рабочими днями» [5, л. 136].

Вводилась церковная регистрация новорождённых детей, их крещение, венчание при бракосочетании, церковные обряды при хоронении умерших. Священнослужители приступили к заполнению метрических книг, в которые вносили записи о рождениях, венчаниях, смерти, вступлении прихожан в религиозные общества и выходе из них.

За регистрацию брака бралась плата в размере 20 руб., новорождённых – 5, смерти – 3. Тех, кто не выполнял эти распоряжения, штрафовали в размере 200 руб, или им нужно было принудительно отработать 12 дней [7, с. 243].

Одним из первых шагов оккупационных властей была регистрация священников. Гитлеровцы должны были иметь точное представление, с кем имеют дело, чего можно ожидать от духовного клира.

Все должны были получить право от гебитс-комиссаров на духовную деятельность. При этом кроме личных сведений, конфессиональной и национальной принадлежности, важным условием было свидетельство на политическую благонадёжность.

Организация церковной жизни на оккупированной территории Беларуси проводилась исключительно для местного населения. Что касается немецких солдат, офицеров и служащих органов управления, членов их семей, то им запрещалось посещение учреждений и мероприятий церковных организаций других народов в религиозных целях, а также внеслужебные отношения с их священниками.

Развёртывание деятельности православных храмов остро поставило задачу подготовки кадров священнослужителей. Особый их дефицит ощущался в восточных областях, где до войны духовенство подвергалось тотальным репрессиям. Для подготовки кандидатов на должности церковных служителей создавались курсы. Они работали в Минске, Гродно, Новогрудке, Гомеле, Витебске, Смоленске и Жировичах. С 1941 по 1945 г. в Беларуси в сан священника были посвящены 213 человек [1, с. 165].

Кроме того, с миссионерской деятельностью приезжали священнослужители из западных регионов Беларуси. Для иллюстрации приведем содержание заявления церковного попечительства Старосельской Свято-Николаевской церкви Ветковского района от 4 сентября 1942 г., направленного в Старосельскую управу: «В связи с тем, что Минским духовным управлением прислан священник для служения в Старосельской церкви, который уже прослужил две недели, просим дать квартиру для семьи священника» [5, л. 82].

Несмотря на это, ощущалась нехватка священнослужителей. В области работало только 43 священника, в то время, как богослужения осуществлялись в 60 приходах. Такое положение вынуждало духовенство разъезжать по тем приходам, где церковных служителей не было, и проводить богослужения. Обратимся к газете «Новый путь», в которой сообщалось: «В

последние дни великого поста архимандрит О. Серафим разъезжал по приходам области, в которых не было священников, дабы удовлетворить религиозный голод и жажду православных мирян» [11].

Давая разрешение на открытие православных приходов, оккупационные власти следили за их деятельностью. В дни рождения Гитлера, вторжения на территорию Советского Союза в проводимых службах требовалось высказывать благодарность в адрес нацистской Германии и оккупационного режима. Одним из таких примеров является торжественный молебен, состоявшийся 22 июня 1943 г. на Соборной площади Гомеля по случаю «освобождения от большевизма», где были провозглашены декларации свободного развития края и общности германо-белорусских интересов. Молебен был проведен в сослужении всего духовенства города архиепископом Мозырским и Речицким Николаем [8].

Вместе с тем, многие служители культа испытывали ту же судьбу советского народа, а некоторые помогали партизанам. В деревне Ярцево на Гомельщине церковь была закрыта по причине того, что население молилось за быструю победу Красной Армии и освобождение от немецко-фашистских захватчиков [9, л. 257]. За связь священнослужителей с партизанами церкви сжигались. Так, в Гомеле были сожжены церковь Рождества Богородицы и вновь отстроенная церковь Александра Невского и собор. Всего за годы оккупации по распоряжению немецких властей было сожжено 21 церковное здание [10, с. 75].

Помимо поддержки лояльных православных священников германская оккупационная власть прибегала к жестоким репрессиям по отношению к тем из них, кто сопротивлялся ей. Из письма протоиерея А. Романушко, посланного осенью 1944 г. митрополиту Алексию, известно, что число православных священников в Полесской епархии уменьшилось на 55 % в связи с массовыми расстрелами их оккупантами за содействие партизанам [12, с. 275]. Выносили священникам за совместную работу с оккупантами смертные приговоры и партизаны. За годы войны ими были убиты 42 православных священника [1, с. 168].

Как видно, в военные годы религиозная жизнь носила сложный и противоречивый характер. Проводя политику уничтожения белорусского народа, немецкие оккупационные власти в то же время не препятствовали возрождению и налаживанию деятельности христианских конфессий. В результате разворачивали деятельность приходы, открывались храмы, собиравшие множество людей. Вместе с верующими большинство представителей священнослужителей все делали для того, чтобы быстрее освободить Отечество от немецких захватчиков. В советские времена имена патриотов из числа представителей всех конфессий замалчивались по причине того, что они не вписывались в рамки коммунистической идеологии.

Список литературы

- 1 **Новицкий, В. И.** Религиозная жизнь Беларуси в военные годы (1941–1945) / В. И. Новицкий // Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память : в 2 ч. – Ч. 2. – Минск : Беларуская навука, 2010.
- 2 Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф. 4., оп. 33 а., д. 25.
- 3 Новый путь. – 1943. – 12 июня.
- 4 НАРБ, ф. 4, оп. 33 а., д. 22.
- 5 Государственный архив Гомельской области (ГАГО), ф. 1316, оп. 1, д. 4.
- 6 **Грыцкевіч, А.** Праваслаўная царква ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны / А. Грыцкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 5.
- 7 **Скрабіна, Л. С.** Штодзённасць пад акупацыяй (1941–1944) (паводле нямецкіх трафейных матэрыялаў) / Л. С. Скрабіна // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы міжнар. навук. канф. – Вып. 8. – Мінск : МДЛУ, 2010.
- 8 Новый путь. – 1943. – 26 июня.
- 9 НАРБ, ф. 4, оп. 33 а., д. 25.
- 10 **Силова, С. В.** Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / С. В. Силова. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 105 с.
- 11 Новый путь. – 1943. – 24 апреля.
- 12 **Деревянко, Л. С.** Подвиг православного священства в годы Великой Отечественной войны / Л. С. Деревянко // Вялікая Перамога. Да 60-й гадавіны разгрому нацыскай Германіі : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф. – Мінск, 2006. – С.274-277.

УДК 271.2(476.2)

ПРОБЛЕМЫ ЦЕРКОВНОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ НА ТЕРРИТОРИИ ГОМЕЛЬЩИНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

А. С. СУШКО, А. Ю. РЫТИКОВ

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

Проблема взаимоотношений Церкви и государства, Церкви и общества вызывает в нашей стране повышенный интерес как в церковном сознании, так и в обществе в целом. Думается, это обусловлено в первую очередь тем переломным моментом в своем развитии, который переживает Россия. По какому пути она пойдет дальше? Какое влияние на жизнь общества, его социальные структуры, на деятельность органов власти, на внутреннюю и внешнюю политику государства будут оказывать православные христиане как носители традиционных духовных ценностей, как члены сообщества, объединенного единой верой и (по крайней мере, так и должно быть) единым мировоззрением? Какие пути внутреннего самоопределения в нынешней политической ситуации допустимы и полезны для каждого из нас, православных русских людей? Насколько велика должна быть инициатива